

В самом конце длинного коридора бизнес-центра, рядом с дверью, ведущей в туалет, на белом плиточном полу лежал мужчина.

Молодая женщина, с задумчивым видом направляющаяся в его сторону с электрическим чайником, увидев тело, остановилась.

— Виктор Владимирович, вам плохо? — Она, поставив чайник на пол, присела и осторожно тронула мужчину за рукав. — Поднимайтесь!

Наклонилась еще ниже, чтобы заглянуть ему в лицо.

— Вы слышите меня? Вам скорую вызвать?

Но мужчина не отреагировал. И тогда женщина закричала. Не потому, что поняла, что он мертв, она никогда не видела мертвецов вблизи, нет, просто не знала, как ей себя вести и что делать. Потом, словно вспомнив, зачем шла, поднялась, машинально схватив чайник, и теперь стояла, прижимая его к груди.

Компания, где работала женщина, занимала целый этаж гигантского бизнес-центра, где трудилось огромное количество людей, и никто, никто ее не услышал, не отозвался! Все, работающие в стеклянных прозрачных кабинетах-кабинках, словно в этот момент оглохли.

— На помощь! — взвизгнула она, чувствуя себя совершенно беспомощной и страшно напуганной. — На помощь! А-аааа-ааа!..

Глава 1

09.01.2023 г. Из дневника Эммы Ф.

«Все новогодние праздники позади. Один Господь знает, как я их провела. В совершеннейшем одиночестве. В пустом доме. И хотя он хорошо отапливается, меня не покидает ощущение холода. Словно я промерзаю изнутри. Знаю, что впереди меня ждет пустота, что до конца января осталось не так уж и много времени, и я даже думать боюсь, куда мне податься. Мне позволено жить в моем же доме лишь до конца января. Не знаю, какие планы у моего мужа относительно дома, возможно, он собирается его продать, а может, поселится здесь со своей пассией. Она молодая и красивая, примерно лет на двадцать моложе меня. У нее все другое — и кожа, и волосы, и все остальное. И когда я думаю об этом, меня не покидает ощущение, словно весь этот кошмар, этот ад мне только снится. Ну не должно было в моей жизни случиться такое.

Хотя разве не я сама виновата в этом? Почему не подстраховалась на всякий случай? Ведь таких историй, когда муж-бизнесмен выгоняет из дома свою бывшую жену, полно. Я же сама знаю об этом не понаслышке. С двумя моими подругами поступили точно так же, причем одну выставили на улицу с двумя детьми, а у другой детей вообще отняли. Хорошо, что у нас с Виктором нет детей. Иначе я сошла бы с ума — он точно поступил бы так же, как и его при-

ятель, отнял бы детей. И мотивировал бы просто — кто я такая? У меня нет профессии, денег и жилья. Я бездельница, почти двадцать лет живущая на средства своего мужа. И ведь это чистая правда.

Почему, почему я не подстраховалась и не сообразила откладывать деньги? Почему не закопала свои драгоценности где-нибудь в лесу, в стеклянной банке? Почему не перевела деньги на карточку своей матери? Получается, что я глупая? Или просто верила мужу? Даже после того, как он меня избил в прошлом году на самое Рождество, когда я попыталась остановить его, когда он собрался, судя по всему, к своей любовнице? Он нарядился, надушился, положил в пакет шампанское и закуски...

Он так жестоко избил меня тогда, мне было так больно... Я бы, возможно, и обратилась в полицию, сняла бы побои, если бы не его угроза. Он так и сказал: «Убью тебя». И, перешагнув через меня, вернулся в гардеробную, снял перепачканную моей кровью белую сорочку, переделся и все равно уехал.

Удивительно, что примерно через час приехала его секретарша Надя со своим братом-врачом, который и помог мне. Молча обрабатывал мои раны и ссадины, пока Надя всхлипывала, подавая ему бинты и мази. Потом мне сделали укол, и я уснула.

Да, вот такой у меня муж. Даже не знаю, когда он начал свое превращение из нежного и ласкового Вити в чудовище.

Ох, какой же жестокий мороз нынче! Минус двадцать три! Не помню такого жуткого холода. Возможно, он и раньше был, да только я его не ощущала.

Мне всегда было тепло и комфортно. У меня девять шуб. Было. И машина. Машину забрал муж, а шубы я сама продала. Только две оставила. Надо же мне было на что-то жить. Домработницу пришлось уволить еще полгода тому назад. Так Виктор приказал. Сказал, что не видит смысла терпеть в доме чужого человека. А ведь Сонечка проработала у нас в доме пятнадцать лет!

Вот зачем он ее уволил? Возможно, из-за того, что она уже слишком много знала о нашей семье. Знала и видела. Она так плакала, когда собиралась! И понимая, что хуже ей уже и не будет, сказала мне: «Виктор Сергеевич превратился в зверя». Что она не удивится, если он когда-нибудь ударит и ее. Что у него с нервами не в порядке. Что это деньги так испортили его.

И вот теперь я доживаю в нашем доме совершенно одна. Две мои подружки, которых бросили их мужья, потихоньку спиваются. Я алкоголь вообще не признаю. Никогда не пила.

Я тупо ем. Сладкое и жирное. Подсела на одну кондитерскую, где заказываю пирожные. В сущности, все деньги на еду и трачу. Нет, конечно, я заказываю в интернет-магазинах все для хозяйства, мне же надо стирать, к примеру, вот и заказываю гели для стирки, разные порошки, химию... И иногда понимаю, что вскоре и этим не придется заниматься, что у меня не будет дома, стиральной машины да и вещей...

Муж сказал, что я вправе продать все, что сочту нужным, что находится в доме. Посуду? Ну да, я уже продала два сервиза, какие-то фарфоровые статуэт-

ки, хрусталь, две картины, обувь и многое другое. И что теперь делать? Мебель продавать? Диван? Телевизор?

Неужели все это происходит со мной?

Спрашивается, зачем это я начала вести дневник? Может, я на подсознательном уровне готовлюсь к смерти и этот дневник поможет тем, кто найдет мое тело, понять, почему я так поступила?

Но, сказать честно, так не хочется умирать. Я еще не стара. Мне всего сорок три года. Может, я и некрасива. Вернее, я точно знаю, что некрасива, что у меня только фигура более-менее (хотя я и набираю вес), но лицо простое, черты лица мелкие, я вообще похожа на мышшь.

Виктор так и звал меня — «моя мышка». Но я не обижалась, я любила его и находила, что хотя бы таким образом он выражает свою нежность. Зовут же мужчины своих жен зайчиками, бурундучками (это про Оксану, у которой забрали детей), кисками... Бррр... Уж лучше мышка, чем киска. Да и вообще, все противно.

Ненавижу мужиков! Когда у них не было денег, как-то терпели же нас, а теперь, когда перестали их считать, когда их так много, что не знают уже, как и на что (на кого) их потратить, совсем ума лишились. Ума и, главное, стыда.

К счастью, этот дневник никто не прочитает. Все это глупости, и я не собираюсь умирать. А потому буду писать здесь все, что хочу. Сама для себя. Возможно, для того чтобы потом, когда я встану на ноги, наберусь душевных сил, перечитать и понять, как многого я достигла.

Так вот. Самое время признаться, что я до сих пор люблю своего мужа. Что когда только вижу его (он иногда заезжает, чтобы забрать что-то из своих вещей или документов), я просто цепенею. Как тогда, когда влюбилась в него.

И это стыдно. Очень стыдно. Потому что мною, получается, управляют какие-то темные силы. Нормальная, адекватная женщина не может любить мужчину, который ее, во-первых, не уважает, во-вторых, презирает, ненавидит, предает, оскорбляет при каждом удобном случае, бьет, наконец!

Может, я какая-то извращенка? Или же мне просто не верится в то, что это конец?

Но я не мазохистка, нет. Я не знаю, кто я вообще. Наверное, уже никто.

Кто-то звонит... Думаю, курьер. Привезли заказ из кондитерской.

Что ж, пока не выставили на улицу, на мороз, пока есть деньги на пирожные и хороший кофе, буду наслаждаться. А потом... Потом я поеду к матери в Хвалынский. На Волгу. На все собранные деньги куплю пару коров или коз и начну продавать молоко и сметану. Как мама. Вот как-то так. Такой план».

Глава 2

20.01.2023 г. Женя

— Тонечка, как же я рада, что ты пришла! — Женя на пороге обняла подругу. — Проходи скорее! Там холодно?

— Да не холодно, плюсовая температура!

— Я никак не могу поверить, что холода отступили... Такие морозы были! Жуть! Мы вообще не гуляли, сидели дома — мы с Мишей и няня. Петр весь последний месяц жил в Москве, я тебе говорила, все торчал в библиотеке, собирал материал для своего романа. И главное, никому не говорит, о чем пишет. Может, фантастику, а может, что-то историческое, раз ему можно работать только в читальном зале.

— А Борис? — Антонина внимательно посмотрела на подругу. — Про Петра мне не так интересно.

— О нем вообще не хочу говорить.

Бронниковы, братья Борис и Петр, а также жена Бориса Женя и их маленький сынишка Миша, проживали в большом доме на окраине Подольска вместе с няней Соней. Борис Бронников, сорока пяти лет, известный московский адвокат, по мнению Тони, был без памяти влюблен в свою молодую жену и слишком уж чрезмерно ее опекал, что являлось причиной многочисленных семейных скандалов и время от времени вызывало в Жене желание развестись с ним. Петр, мужчина холостой, мягкий и добрый, постоянно мирил супругов и всегда был на стороне невестки.

— Да что случилось-то? Снова поссорились? Куда на этот раз он тебя не пустил?

— Ты сначала разденься, и пойдем на кухню... Петр приготовил берлинские пирожные.

— Петр или ваша Софья Николаевна?

— Ты по-прежнему называешь нашу Сонечку Софьей Николаевной?

— Так ей под шестьдесят, я не могу называть ее, как ты, Сонечкой.

— Просто ты видишь ее редко. Она такая пухленькая, маленькая, без единой морщинки, и такая какая-то своя, что я не могу называть ее по имени-отчеству. Ну а ты — как считаешь нужным, конечно же.

— Да, повезло вам с ней!

Женя помогла подруге раздеться, приняла ее куртку, повесила ее на вешалку и буквально за руку, радуясь ее приходу, привела подругу на кухню.

В доме было жарко, но в большой светлой кухне свежо из-за распахнутого окна.

— Сейчас закрою. — И Женя бросилась закрывать окно. — Вот, садись на свое место, оно тебя уже заждалось. Чай я уже заварила, а вот и пирожные! Та-дам!

И она сняла стеклянный прозрачный купол с блюда, на котором были разложены пахнущие лимоном пирожные под сахарной глазурью.

— Женя, кто дома? — заговорщицким тоном спросила Тоня.

Она жила в самом Подольске, была глубоко семейным человеком, замужем и имела двух детей. В последнее время ее муж начал хорошо зарабатывать и настоял на том, чтобы Тоня уволилась с работы и стала настоящей домохозяйкой. Это обстоятельство позволяло ей чаще видеться с Женей, и, главное, у нее появилось время для их общего хобби — подруги время от времени помогали Валерию Реброву, следователю и другу семьи Бронниковых,

собирать информацию по уголовным делам, по сути расследуя их, что, собственно говоря, и вызывало тревогу Бориса, считавшего это занятие профанацией и вообще делом опасным.

Однако, несмотря на все это, Женя с Антониной все равно продолжали ввязываться в расследование, причем относились к этому, по мнению как Бориса, так и самого Реброва, довольно легкомысленно и, даже осознавая это, все равно куда-то ездили, с кем-то встречались, и для них это было, конечно же, развлечением.

Вот именно это их легкое отношение и бесило здравомыслящего и очень серьезного Бориса, заставляло его постоянно сдерживать жену, умолять бросить это дело. И если сразу после родов Женя на какое-то время и оставила свои «расследования» и все свое время посвящала маленькому сынишке, чему Борис искренне радовался и считал себя по-настоящему счастливым, то уже буквально через месяц начал замечать, как его молодая жена все чаще затевает разговоры на тему свободы в браке, «свободы перемещения в пространстве» (как она любила повторять) и вообще начинает хандрить и откровенно скучать. А теперь еще они наняли хорошую няню Соню, что давало возможность Жене вообще расслабиться и заняться еще одним своим любимым делом — работой в зимнем саду. И что мешало ей теперь вернуться к «своей уголовщине»? В доме все чаще звучала фраза-рефрен, лишаящая Бориса покоя: «Может, я хочу быть профессиональным следователем, а ты ставишь мне палки в колеса!»

Петр же, хоть и старающийся сохранить нейтралитет в этом семейном конфликте, все равно всегда и во всем тайно помогал Жене. Покрывал, к примеру, ее отсутствие в доме. И главное, за что она была ему чрезвычайно благодарна, Петр, обладая хорошими связями, помогал добывать для нее информацию, причем делал все это, прикрываясь своей писательской деятельностью, якобы требующей присутствия в самых разных местах, причем приглашая за компанию в поездки по своим делам и «скучающую» сноху.

Словом, в доме всегда было беспокойно, шумно, суетно и даже странным образом весело, но все равно нервно. Так, во всяком случае, воспринимала обстановку в семье Тоня.

Женю же вообще лихорадило, когда ее материнский инстинкт начинал неравную борьбу с азартом. Причем все всё понимали! И Ребров, который пользовался ее талантом и умением добывать важную информацию по делу и который при всем этом чувствовал себя чуть ли не преступником, посвящая Женю с Тоней в тайну следствия. И сама Женя, которая понимала, что, покидая маленького сына на полдня, а то и на целый день, совершает преступление, но и находиться постоянно в детской уже не было сил. И Петр постоянно испытывал чувство стыда перед братом, когда лгал ему, скрывая истинную причину отсутствия Жени. И только Борис Бронников, заваленный работой и появляющийся дома лишь поздно вечером, чувствовал себя в этой кутерьме спокойно и уверенно, поскольку ему не

приходилось лгать, изворачиваться и что-то скрывать от близких ему людей.

Вернувшись домой, он испытывал настоящее счастье, видя родных и чувствуя исходящее от них тепло. Он подолгу занимался своим крошечным сыном, носил его на руках, прижимая к груди и давая выплеснуться своим отцовским чувствам, с удовольствием ужинал в компании жены и брата, рассказывая им иногда свои адвокатские истории, а потом уставший, но с ощущением полного блаженства, засыпал в объятиях любимой жены.

— Как дети? — спросила Женья подругу. — У родителей?

— Да. Да, они купили щенка, так теперь их от туда ничем не выманишь! Общаемся по телефону. Женья, так кто дома? — повторила свой вопрос Тоня, осторожничая, чтобы не сказать ничего лишнего из того, чего не должен был слышать Борис.

— Петр в своем кабинете работает, Борис еще не вернулся.

— Так машина-то его здесь!

— Он ее не завел утром, за ней приехали и отогнали в сервис. А Боря уехал на такси. Вот так.

— Что у вас с ним снова не так? Поссорились?

— Подожди, сейчас чаю налью... Ох, Тоня... Вот как я предполагала, так все и получилось. Меня теперь в этом доме воспринимают просто как клушу, которая безвылазно сидит дома с ребенком, жиреет и превращается в животное. Я стала неинтересна своему мужу, вот так.

— Да что случилось-то?

— У него появилась другая женщина. Вот так!

— С чего ты взяла?

— Тоня, ты что, не веришь мне?

— Нет. Борис — не такой.

— Все началось еще позавчера. Я совершенно случайно услышала часть его разговора по телефону. Мы с тобой знаем, да и все женщины знают, что, когда мужу, находящемуся дома, в кругу семьи, звонит любовница, он не станет разговаривать с ней в присутствии жены. Он выйдет из комнаты, во всяком случае. Так?

— Ну так, — вынуждена была согласиться с ней Антонина.

Слово «жиреет» застряло в ее голове, как заноза. Она прямо-таки заиклилась на нем, зная и за собой этот грех — обжорство. Особенно зимой. И если Женя после родов сумела сохранить фигуру и даже каким-то невероятным образом похудеть (!), то Тоня была самой настоящей пышкой. И ни одна диета не помогла ей сбросить ни одного килограмма.

— Борис разговаривал с женщиной, которая прямо-таки вешалась ему на шею!

— По телефону и на шею? Женя!

— Она была так назойлива, просила его встретиться, пыталась расшевелить в нем прежние любовные чувства, так и говорила, типа, помнишь, как нам было с тобой хорошо... постоянно за что-то извинялась... Думаю, это был как раз такой редкий случай, когда не мужчина «поматросил и бросил», а, наоборот, женщина!

— Ты что, слышала ее голос или что-то там себе додумала?

— У Бориса хороший новый телефон, и когда он с кем-то разговаривает, то находящиеся рядом с ним люди слышат его собеседника. Тоня, ну что я рассказываю тебе о таких элементарных вещах? Как будто бы у тебя не так!

— Согласна. И что?

— У нее довольно молодой и приятный голос. Но самое ужасное, что она так напирала на него, просто-таки умоляла о встрече. А он все осторожничал, пытался как-то отбиться... Я даже подумала, что он забыл, кто она такая.

— Она хотя бы назвала свое имя?

— Нет! Тоже штучка еще та! Говорит, ты, мол, не мог меня забыть и тем более мой голос. Но голос у нее на самом деле запоминающийся, такой, знаешь, с хрипотцой. Я по голосу даже пыталась представить себе ее. И получилась ну просто знойная женщина.

— Ты приревновала, да?

— Нет. Пока не успела, — пробормотала Женя, поджав губы, но Тоня ей не поверила. — Понимаешь, он разговаривал с ней довольно холодно, из чего я сделала вывод, что, возможно, он на самом деле забыл, кто она такая, или же, расставшись с ней когда-то там, просто решил вычеркнуть ее из своей жизни. Я хочу сказать, что особого интереса у него этот разговор не вызвал. Даже наоборот, мне показалось, что он по-настоящему встревожен и хочет избавиться от нее. Но чтобы сделать это, ему надо с ней встретиться.

— Так все-таки они договорились о встрече?

— Да, договорились. На сегодня, представляешь?

— И теперь ты маешься, переживаешь, да? И разве это не ревность?

— Да не знаю я, что это такое! Если собирается сходить налево, то пусть! Он просто женат, а не в тюрьме. Если ему уж так захочется уложить ее в койку, пусть! Да только меня он в этом случае потеряет. Навсегда! — Последнее слово она уже выкрикнула со слезами на глазах.

— Да может, он и не собирается встречаться с ней?

— Они уже встретились. Вот... — С этими словами Женя протянула Тоне телефон. — Не все же Реброву нас о чем-то просить. На этот раз я сама позвонила ему и попросила проследить за Борисом. Сказала, где и во сколько они должны встретиться. И он заснял эту встречу на свой телефон.

— Женя! Ты опустилась до слезки за мужем?

— Да. Опустилась. Смотри, смотри... Она просто красотка! Голос, может, и грубоватый, а сама — блондинка, женственная, веселая, какая-то легкая, приятная...

— Может, я, конечно, ничего не понимаю, но ты видела выражение лица ее, когда она увидела Бориса?

— Видела, конечно, что за вопрос? И что?

— Да она, похоже, разочаровалась в нем... Во всяком случае, у нее такое лицо, словно она удивилась... Вот, смотри, сейчас я прокручу еще раз... Смотри! Она словно оробела, сжалась вся... И как будто бы даже испугалась!

— Ну не знаю... Может, они расстались как-то нехорошо. Может, она бросила его, обманула, пре-

дала. Может, одолжила у него денег и не вернула. Но то, что они были любовниками — это точно. Просто ты не слышала, как она с ним ворковала по телефону. Какие слова говорила, чтобы пробудить в нем воспоминания.

— Что говорит Ребров? Он что-нибудь услышал?

— Понимаешь, это мое поручение он должен был выполнить сам, все-таки он следил за Борисом. И дело касается его личной жизни. Валера сам должен был отправиться в это кафе, но занять такое место, чтобы его не заметили. Иначе их дружбе пришел бы конец. Поэтому он следил за Борисом изда- лека. Что сумел снять, то и успел. Но разговора не услышал.

— А еще есть запись?

— Нет. Только эта плюс фотографии. Листай, увидишь.

Тоня внимательно изучила все видео- и фотомате- риалы. Вздохнула.

— Ну что я могу тебе сказать? Любви особой я с его стороны не заметила, да и сама эта женщи- на выглядела какой-то пришибленной, напуганной. Но ей явно что-то от него нужно было. На некото- рых кадрах такой просящий взгляд.

— Деньги, что же еще? Думаю, она уже знает, что Борис женился, поняла, что он к ней не вернется, но решила напоследок немного потрясти его. Воз- можно, когда-то он был щедр к ней, покупал меха и драгоценности... Бррр...

— Женя, да успокойся ты уже!

Тихонько постучали, и на кухне появилась няня Соня. Милая розовощекая женщина невысокого роста в свободных домашних голубых штанах и белой трикотажной тунике. Светло-русые волосы аккуратно собраны на затылке в узел.

— Женечка, Мишу кормить пора...

— Ох... Да-да, иду.

И Женя, тяжело вздохнув, пошла в детскую.

Глава 3

18.01.2023 г. Клара

Примерно в середине третьей серии второго сезона своего любимого сериала она почувствовала, как ребенок шевельнулся в животе... Такое это было необычное и приятное чувство!

Она погладила свой живот и улыбнулась.

...Кларе было двадцать три, и среди ее окружения ей было не стыдно признаться в том, что она крепко подседа на сериалы. Ее любимые киношные сайты каждый день пополнялись новыми сериалами, среди которых она всегда выбирала мелодраму. Детективы она тоже любила, но в них редко можно было найти ответы на свои женские вопросы. Как правило, из любовной тематики там чаще всего попадалась ревность и, как следствие, убийство из-за этой самой ревности.

Женщины, Клара уяснила это себе давно, по большей части ненавидят друг друга, особенно если одна красивее другой. Так вот, та, что дурнушка, всегда играет при красивой подруге роль покладистой и скромной компаньонки, чтобы потом, при

удачном стечении обстоятельств, как-то навредить ей, напакостить, а то и вовсе сломать ей жизнь.

Вот поэтому Клара, настоящая красавица, причем без каких-то там накаченных губ или груди, без наращенных ресниц, была просто идеальна. Так, во всяком случае, сказал ей при первой встрече Виктор Финягин, нестарый еще мужчина, довольно приятной внешности и, главное, очень богатый.

Они познакомились в ресторане, куда Клару привела ее подруга Таечка, твердо уверенная в том, что познакомиться с перспективным и богатым мужчиной можно только в дорогом заведении. Виктор тоже пришел туда без пары, без жены или любовницы, а со своим другом. Вероятно, им нужно было либо обсудить что-то по бизнесу, либо просто расслабиться и выпить. Клара от скуки тоже выпила лишнего, а потому и не помнила, как закончился вечер и почему она проснулась в гостиничном номере в постели с малознакомым мужчиной. Хотела уже, пока мужчина спит, по-быстрому одеться и уйти, но он проснулся и не дал. В утреннем свете долго рассматривал ее, словно проверяя на подлинность ее формы, потом задавал глупые вопросы, суть которых сводилась к одному: не подвергалась ли она пластической хирургии, не увеличивала ли некоторые части тела. Несколько раз от его грубых вопросов ей хотелось просто встать и уйти, оскорбиться, в конце-то концов, но Клара была слабохарактерной девушкой, а потому все терпела, надеясь на то, что если она все вытерпит и не вспылит, то у нее останется шанс заполучить себе этого мужчи-

ну не на одну ночь. К тому же за всеми этими грубоватыми манипуляциями и разглядыванием Виктор, возможно, проверял заодно и ее характер. Быть может, до сих пор ему встречались девушки, напрочь лишенные таких качеств, как терпимость, кротость и покладистость, всего того, что так любят все мужчины без исключения. Да и что ей стоило немного потерпеть?

И вскоре уже была вознаграждена по полной — Финягин назначил ей свидание этим же вечером в ресторане «Арлекин». Сначала она обрадовалась, ведь намечалось продолжение, но потом, когда они вместе вышли из гостиницы и он усадил ее в такси, он на прощанье ее даже не поцеловал. Да и денег на такси не дал.

«Ладно, — подумала Клара, — посмотрим, как он поведет себя сегодня вечером». Липкая и мерзкая мысль, что он после ужина оставит ее за столиком, не заплатив и сбежав, испортила настроение на целый день. Какой-то он странный, этот Финягин. А ведь это точно он, она успела пробить его по интернету, набрав его фамилию в поисковике. Да, это был точно он, серьезный бизнесмен. С характерной внешностью, да один крупный нос чего стоит! И эти впалые щеки! А глаза навывкате! Вроде бы страшноватый мужик, но, с другой стороны, было в нем что-то мужественное, жесткое, что так притягивало Клару. И он сказочно богат! Хотя она и не очень-то хорошо разбиралась в мужских костюмах, но выглядел Виктор в нем безукоризненно. Костюм прекрасно сидел, а зажим для галстука был, похоже, сделан

из настоящего золота! Да и запонки в комплекте выглядели роскошно. В мужских часах Клара тоже ничего не понимала, но чувствовала нутром, что и они не дешевка, что такой мужчина, как Финягин, наверняка носит дорожные, престижные часы, ведь для них, мужиков, автомобиль и часы — это показатель уровня богатства.

Клара была не очень умной девушкой, но для того чтобы понять, что такое богатство и бедность, особого ума и не надо. Выросшая в бедной семье одинокой мамы-портнихи в маленьком городке, она, едва почувствовав, как нравится мужчинам, отправилась искать свое женское счастье в столицу. Одна из многих провинциалок, обладающих привлекательной внешностью и теплым ветром в голове. Она знала, что, если у нее что-то и не сложится в Москве, она всегда сможет вернуться обратно, домой, к маме. И будет спокойно жить себе, помогая матери сметывать или распарывать одежду, готовя скромную еду и развлекая себя телевизором и встречами с подружками.

В Москве она устроилась официанткой в маленькое кафе, подрабатывала там же уборщицей, и заработанных денег хватало на то, чтобы снять комнату поблизости и купить одежду. Потом с помощью знакомой устроилась в хороший ресторан, где начала зарабатывать больше и могла уже позволить себе покупать дорогую косметику и духи. Еду она практически не покупала, питалась в ресторане, и многое из остатков (коллеги называли эти излишки продуктов «бешкой») ей было позволено забирать домой.

В иные дни Клара могла одними чаевыми оплатить всю месячную «коммуналку». Это в том случае, если ей доставалось обслуживать «жирный стол», то есть гостей с внушительным заказом. Там и чаевые были «жирные», щедрые.

Не скупилась на чаевые и так называемые кисули, девушки состоятельных мужчин, которые знали толк в еде и умели оценить труд официанток. Возможно, они тоже раньше, пока не подцепили богатого мужа или любовника, были официантками.

С особым презрением девушки-официантки относились к так называемым маромойкам, девушкам, которые тянут один коктейль целый вечер в надежде подцепить мужичка. И вот тогда, в тот вечер, когда Таечка уговорила Клару пойти вместе с ней в ресторан, они сами слегка смахивали на таких же маромоек, с той лишь разницей, что заказали себе кроме коктейля еще и суши.

Личная жизнь Клары не складывалась. Она встречалась с мужчинами, но в основном это были постоянные клиенты ресторана, которые в подпитии начинали приставать к хорошенькой официантке, давали щедрые чаевые, иногда дарили парфюм, когда точно знали, зачем и за кем пришли в ресторан, а потому были подготовлены. И Клара, которая поначалу даже радовалась таким знакомствам и свиданиям, считая, что хотя бы таким образом сумеет вообще познакомиться с мужчиной, который влюбится в нее и женится, потом разочаровалась: до нее

вдруг дошло, что ее воспринимают как бесплатную проститутку, к тому же чистую, с санитарной книжкой.

Тогда она стала знакомиться по интернету, хотя раньше считала такой способ знакомства опасным — мало ли на кого нарвешься! Но встречалась. Как правило, это были либо совсем юные любители приключений, студенты без гроша в кармане, либо тихие московские пьяницы, обладатели грязных, запущенных квартирок на окраине, либо сложные ай-тишники-импотенты с непомерными амбициями, а то и вовсе растратившие все свои деньги командировочные, которые хотели бы сэкономить на гостинице, получив бесплатный ночлег, ужин да еще и девушку до утра.

Быть может, поэтому Клара и согласилась пойти с подругой в ресторан. Чтобы почувствовать себя одной из тех, которую будут обслуживать, а не наоборот. Но, оказавшись за столиком, вдруг поняла, что не готова выбрасывать заработанные своим тяжелым трудом деньги на ветер. Да и Таечка, работавшая в детском садике воспитательницей с зарплатой в сорок тысяч, тоже сделала скромный заказ. Может, тоже уже и пожалела, что пришла в такой дорогой ресторан. Поэтому и радости особой у них не получилось. Вот и выпили подружки лишнего, причем заказали самую дешевую водку из предложенной. Потом их пригласили за столик мужчины, угостили вкусными закусками, мясом... А уж сколько шампанского они выпили!

...Когда Клара собралась к восьми часам в ресторан «Арлекин», намереваясь вызвать такси, то решила найти его адрес по интернету. Нашла, и сразу же слезы брызнули у нее из глаз. Ресторан был закрыт уже два года тому назад! Это как же так? Зачем он так с ней поступил? Что плохого она ему сделала?

Клара сидела перед зеркалом и смотрела, как тушь расплывается прямо на глазах в самом прямом смысле слова. Слезы душили ее. За что он с ней так? Посчитал ее дешевкой, которую без проблем снял в ресторане, а потом всю ночь делал с ней все, что хотел? Понятно, что не заплатил, еще только этого не хватало! Но даже такси не оплатил! Но зачем тогда так внимательно осматривал, словно проверяя ее качество, как вещь? Какой-то он странный. Чудовище!

И когда собралась было уже пойти и умыться, как вдруг подумала: а вдруг этот ресторан снова заработал, а в интернете устаревшая информация?

На всякий случай привела себя в порядок и вызвала такси. Приехала.

Январский вечер как январская ночь. Темно, холодно. Противно. Она вышла из такси и, кутаясь в длинный пуховик, то и дело доставала и кармана телефон и смотрела на часы — без десяти минут восемь, без пяти...

Ресторан на самом деле был закрыт. Окна темные, грязные, мрачные. И вдруг ее как током прошибло: а что, если он назначил ей встречу не в ресторане «Арлекин», а в «Арлекино»?

Она снова достала телефон, по которому сверяла время, набрала «Ресторан «Арлекино»!

Уф... И там тоже все закрыто. Да что это такое? Что это за засада?

И тут рядом с ней остановилась машина. Большая черная иномарка. Стекло опустилось, и она увидела Финягина. Лицо его было бледное, как у мертвеца.

Что он ей сейчас скажет? Посмеется над ней?

— Пришла, значит... Хорошо.

И тут он слабо улыбнулся.

— Забирайся в машину, замерзла, наверное.

— Сюда? — Она показала на место рядом с ним.

— Да.

Она села. И несколько секунд даже боялась посмотреть в его сторону.

— Ты, наверное, думаешь, что я зверь какой, да?

— Так закрыто же! — просипела она, голос предательски дрожал.

— Главное, Клара, что ты пришла. Если бы не пришла, мы бы с тобой больше никогда не увиделись.

Надо же! Все страннее и страннее! Чудной какой!

— Сейчас поедem в хорошее место. Тебе там понравится. Ну же... Не сердись. Повернись ко мне. Дай-ка я тебя поцелую!

И он, обхватив ее голову сильными руками, прижал к себе и поцеловал в губы.

— Тебе кто-нибудь говорил, что ты очень красива?

Она закрыла глаза. Ее бросило в жар. А внизу живота разлилось тепло...

Глава 4

10.01.2023 г. Из дневника Эммы Ф.

«Как же хорошо, когда дома так тепло. Термометр за окном показывал минус двадцать четыре. Весь сад побелел и теперь мерз. Розы, которые никто не укрывал в этом году, потому что Виктор уволил садовника, вероятнее всего, весной не проснутся. Умрут.

И почему я сама ничего не предприняла? Почему сама не сделала им эти арочки из металлических дуг, не укрыла их специальной белой, похожей на толстую фланель, тканью?

Потому что я — настоящая бездельница. Потому что привыкла, что кто-то работает в саду, кто-то за меня все делает. Потому что это стало нормой. Вот мама никогда не поступила бы так с растениями, позаботилась бы о них, чтобы они только выжили.

Интересно, а кто теперь будет ухаживать за садом? Наверное, те, кто купят этот дом. Хотя кто сказал, что Виктор его продаст? Скорее всего, дождет-ся, когда я уеду, и поселится здесь со своей пассией. С этой шалавой. Вот так-то будет правильнее ее называть.

В то утро я долго не хотела вставать. И моя постель, вся белая, в кружевах, стала казаться мне большим белым сугробом (когда-нибудь я буду вспоминать о своем итальянском постельном белье и тосковать по былой роскоши). И когда уже заболели бока от долгой лежки, я все-таки встала, набросила на плечи халат и отправилась на кухню —

выпить кофе. И была очень удивлена, когда еще в холле почувствовала его аромат.

«Надо же, — подумала я, — как странно устроен мозг. Думаешь о кофе, а его запах уже здесь, с тобой!»

Но не сошла же я с ума? В кухне на самом деле сильно пахло кофе. Как если бы здесь кто-то недавно его варил или пил.

Я сняла с крючка на стене свою любимую медную турку и обнаружила, что она мокрая! Мокрая! Нет, вы только вдумайтесь! Я провалялась в постели почти до обеда и последний раз пила кофе примерно сутки тому назад, когда запивала им кекс. Она уже сто раз должна была высохнуть. Но вот же они, капельки воды!

— Соня-а-а-а! — закричала я, чувствуя, как сильно стучит мое сердце. — Ты здесь?

Только Соня имела ключи и могла вернуться в любое время. Хотя Виктор строго-настрого запретил ей подобное и даже требовал, чтобы она вернула свой комплект ключей. Но умная Соня сказала, что оставила их в доме в тот день, когда он ее уволил.

Солгала? Грубовато звучит. Нет, она просто схи-трила, жалея меня. Подумала, что мне будет трудно первое время без нее. К тому же мы за эти годы подружились и стали близкими людьми. Другое дело, что мне теперь, в сегодняшних обстоятельствах, было бы неприятно показывать даже перед ней, своей домработницей, слабость. Я бы не хотела, чтобы именно она меня жалела.

Может, я скоро и окажусь на улице, да только пусть об этом знает моя мать и ее окружение, но

только не те люди, которые составляли мой ближний круг, когда я находилась в статусе жены Финягина. И все же...

Когда я поняла, что Соня в доме, что это она варила кофе, я обрадовалась до слез! И бросилась искать ее по дому. Носилась по длинным коридорам, заглядывая во все комнаты и туалеты, но нигде, нигде ее не нашла.

С надеждой приблизилась к входной двери, вдруг она не заперта, но дверь была заперта! Да и засов грубый, дурацкий, который Виктор сделал, едва мы вселились в этот дом, был задвинут. То есть тот, кто проник в дом, сразу же и заперся изнутри. Но это не Соня. Она бы услышала мой голос, она всегда, даже если не слышала его, то словно бы чувствовала, что я ее ищу.

Я вернулась на кухню.

«Эмма, — сказала я себе, — подумай хорошенько, если кто-то и варил кофе в твоей турке, то и выпил его из чашки».

И я стала искать мокрую чашку. Но ее и искать-то не надо было. Она стояла здесь же, между плитой и раковиной. Мокрая. Следа губной помады я не обнаружила. Если кофе пила женщина, то либо она не пользовалась помадой, либо она просто хорошо помыла чашку. И вряд ли она, выпив кофе, просто сполоснула ее, как это делаю обычно я, не утруждая себя тем, чтобы хорошенько промыть ее вспененной губкой.

Получается, что кто-то, более-менее воспитанный, раз все помыл, каким-то невообразимым образом проник в дом и сварил себе кофе! Вот это да!

Я улыбнулась, потому что все это смахивало на идиотизм. Мой идиотизм. Потому что был еще один вариант: что, если это я сама рано утром проснулась, выпила кофе, вымыла чашку и снова легла спать, а после забыла об этом? Забыла! Со мной такого еще не случалось. Быть может, таким вот странным образом мой организм среагировал на стресс? А как еще можно назвать мое состояние?

Я схватила телефон и позвонила Соне.

Она тотчас отозвалась.

— Соня, ты где?

Она сказала, что на работе. Я знала, что ей повезло и она каким-то чудесным образом сумела устроиться няней к братьям Бронниковым. Их дом находился совсем близко от нас. Приличные люди, и то, что Соня попала именно к ним, меня успокаивало. Слава богу, что Соня так быстро нашла работу. Скорее всего, сработало сарафанное радио, вероятно, ей подсказал этот вариант кто-то из местных. Хотя она могла и сама, зная о том, что у Бронниковых родился малыш, прийти к ним и предложить свои услуги. Тем более что опыт у нее был, она в молодости работала няней в одной семье.

— Что случилось, Эмма?

Я не стала рассказывать ей о том, что произошло. Решила сама разобраться. Да и позвонила ей лишь для того, чтобы выяснить, где она. И если это не она здесь была, значит, это я сама пила кофе. Не хотелось, чтобы она заподозрила меня в душевной болезни.

Ради вежливости я спросила ее, как у нее дела, мы поговорили пару минут и распрощались, пожелав друг другу удачи.

Пытаясь вспомнить, запирали ли я вечером дверь на засов, так ничего и не вспомнила. Но привычки такой у меня не было. Обычно я запиралась на современный, сложный замок, блокирующий дверь.

Мысль, что в дом проник посторонний, вызвала оторопь. Пришлось проверять все окна в доме. А их ну очень много. Я входила в комнаты, осматривала окна и испытывала при этом страх. А вдруг окажется, что какое-то окно открыто? Вернее, не заперто? Но нет, все было в полном порядке. Тогда кто пил кофе?

Ладно. Хватит уже думать об этом. В доме никого не было, я же все проверила! Значит, это я сама пила кофе. А потом просто заснула, забыла об этом.

И вдруг меня охватила паника: Виктор! Только он мог вот так запросто прийти сюда, к себе домой, чтобы забрать что-нибудь, да и выпил кофе. Но как же так? Не мог же он запереться изнутри...

Уф... Как же тяжело, когда ты остаешься один на один со своими мыслями, проблемами, когда живешь, не зная, что тебя ожидает завтра. И ведь подруг настоящих нет. Все такие стервы, и теперь те, кто бывал у нас дома, знают, возможно, о том, что мы разводимся и что меня собираются выкинуть из собственного дома. Злорадствуют, наверное.

Что, если позвонить Оксане? Как она там? Где? Муж отобрал у нее детей и, так же как и меня, выпроводил из дома. Правда, говорят, что он дал ей

денег и она именно поэтому-то и спивается — пропивает все, что получила. Вот где она сейчас может быть? Либо живет у какой-нибудь подруги, может, уехала к родителям куда-то в Карелию, либо... Может, вообще спилась окончательно и замерзла где-нибудь под забором. А я сижу в теплом доме, трачу вырученные за шубы деньги на деликатесы и сладости и делаю вид, что вообще с ней не знакома.

Подумалось, что чувство сострадания человек чаще всего испытывает к тому, кому намного хуже, чем тебе.

И я позвонила ей. Я была готова ко всему: и что трубку возьмет кто-то другой, к примеру кто-то из ее родителей, и скажет, что Оксаны Трубниковой больше нет; или отзовется медсестра, которая скажет, что Оксана в больнице, спит, и ее сейчас лучше не беспокоить...

Разные варианты приходили в голову, и все были окрашены в траурные тона. И как же я была удивлена, когда услышала голос самой Оксаны. Бодрый, веселый! Я спросила, как у нее дела? И она спокойно так и обстоятельно рассказала мне, что они с мужем даже суда не дождались, что детей не делили, что он просто пошел ей навстречу, вернул детей, купил ей квартиру в Выхине и теперь помогает деньгами, хотя сам женился на другой женщине, с которой они теперь проживают в загородном доме Трубниковых.

— Думаю, мне надо сказать спасибо его новой жене, которой наши дети были бы помехой.

— Оксанка, я так рада за тебя, — сказала я, преисполненная самых искренних теплых чувств, и рас-

плакалась. Как хорошо, что она жива, здорова и дети при ней!

— Ты не представляешь себе, как я рада! Живу теперь спокойно. Никого не жду со страхом, что снова от него будет пахнуть духами... Теперь меня никто не унижает, не оскорбляет... И главное, мои дети со мной и мы ни в чем не нуждаемся.

— А как твоё здоровье?

— Лечилась. Аркадий все оплатил. Печень ни к черту была... теперь на лекарствах. Скоро поедем с ребятами в «Бархатные сезоны» в Сочи, там подлечусь. А ты как, Эммочка?

«Она все знает», — подумала я. Хотя разве, если бы не знала, не спросила бы? Обычный вопрос!

— Мы разводимся, — сказала я и заревела в голос.

Она промолчала. Точно все знает!

— Если тебе негде будет жить, можешь приехать ко мне. Вместе что-нибудь придумаем. Аркадий не скупится на детей, у меня есть деньги, и я могу помочь тебе снять квартиру где-нибудь в спальном районе на месяц-два... Ты не стесняйся. Мы, женщины, должны помогать друг другу.

— Оксана, он угрожает мне... — шептала я, глотая слезы.

— В смысле — угрожает?

— Что если я попытаюсь что-нибудь отсудить, то он убьет меня... Я прожила с ним почти двадцать лет и, получается, ничего не нажила. Ничего не накопила на черный день. Шубы вот продаю... До конца января я должна исчезнуть, понимаешь?

— Да, понимаю. Как никто другой понимаю, — каким-то отстраненным голосом проговорила Оксана, словно из последних сил сдерживая слезы. — Сама знаешь, что со мной было...

— Он бил меня, оскорблял... А что я ему сделала?

— Ответа на этот вопрос не существует, вот в чем дело.

— Ладно, подружка, спасибо, что выслушала. Я ужасно рада за тебя. И спасибо за поддержку, — всхлипнула я напоследок.

— Обращайся. Всегда помогу.

Я отключила телефон. Так странно стало на душе. С одной стороны, вроде бы я была рада, что у подруги все так более-менее благополучно сложилось, с другой — у меня-то никогда такого не будет. Виктор не купит мне даже комнату, не говоря уже о том, чтобы содержать меня. И все почему? Потому что я не смогла родить ему детей. А не родила потому, что сделала от него семь абортотв! И именно он настаивал на этом. Так что делать? И зачем чего-то ждать? Зачем проедать последние деньги, когда надо поскорее сваливать отсюда, ехать к матери, покупать коров...

И вдруг мои мысли стали настолько реалистичными, а нарисованная в воображении мрачноватая картинка хлева с жующими в стойлах огромными коровами и бородатыми козами стала увеличиваться в размерах и надвигаться на меня, еще немного — и какая-нибудь из коров хлестнет меня своим грязным, в зеленоватом жидком навозе хвостом, да еще и запах пошел, такой тошнотворный, теплый....

Бррр... Меня затошнило!

Нет-нет! Я никуда не поеду! Никуда этот хлев с коровами от меня не денется. Может, я придумаю еще что-нибудь, рискну и найму адвоката, который поможет мне отсудить хотя бы какую-нибудь квартиру или другую недвижимость...

Про Испанию, нашу виллу, можно пока забыть. В сложное время все это со мной случилось. Военная операция на Украине заставила все наше сытое, привыкшее к комфорту окружение замереть, затаиться... Многие побежали в разные стороны, туда, где, как им кажется, будет спокойнее и безопаснее.

Виктор сразу решил для себя остаться — здесь, в России, у него серьезный бизнес, а кому он будет нужен в Европе? Да в той же Испании? К тому же в прошлом году он начал строительство отеля в Лазаревском. И ведь все эти его страхи и переживания, которые были поначалу, мы разделяли вместе! И если и была у него интрижка на стороне, то я ничего об этом не знала, во всяком случае, все в доме было более-менее спокойно и стабильно.

Конечно, никакой близости, ни душевной, ни физической, уже не было, и мы давно уже спали в разных спальнях, но и тревоги особой я рядом с мужем не испытывала. Да, по телевизору на моих глазах разрушались города, раздавались взрывы, где-то там, далеко от меня, на многострадальном Донбассе, царили хаос и настоящий ад, но что могла сделать я, слабая женщина?

Так я себя, во всяком случае, успокаивала. Но потом, поддавшись патриотическому порыву, начала

переводить небольшие суммы на специальный счет, созданный для сбора средств для бойцов на передовой, отвозила коробки с теплыми вещами в пункты гуманитарной помощи.

...Открыв холодильник, я обнаружила, что пропал кусок ветчины. Внушительный такой ломоть розовой вкуснейшей ветчины, которую вчера мне с остальными продуктами привез курьер из супермаркета.

Подняв взгляд на верхнюю полку, я обнаружила, что в прозрачном пластиковом контейнере с пирожными осталось только одно. А было три!

Я тщательнейшим образом произвела ревизию холодильника, заодно машинально протерла полки, чтобы постараться все же найти пропавшие продукты, но не нашла.

Да что же это со мной такое происходит? Может, я стала лунатиком и теперь по ночам хожу по дому и опустошаю холодильник? Только этого мне еще и не хватало!

Правильно говорит моя мама: самое страшное — это проблема с головой. Вот пусть все заболит, считает она, только не мозг. Вот тогда все — пиши пропало.

Получается, что у меня разрядился мой мозговой аккумулятор?

Аппетит пропал, я выпила лишь пару глотков кофе и решила освежиться под душем.

Может быть, даже, решила я, сделаю себе контрастный душ, чтобы разбудить сонную кровь, глядишь, и голова заработает яснее.

Но когда я, ополоснувшись под душем и даже успев замерзнуть от потока ледяной воды, которой окатила себя напоследок, вышла, встала на мягкий коврик и набросила на себя полотенце, то поняла, что оно мокрое. Причем именно мокрое, даже не влажное, потому что тот, кто воспользовался им, моим толстым розовым бразильским полотенцем, даже не удосужился повесить его на теплый полотенцесушитель! А просто просунул в держатель полотенца в форме кольца на стене, который мы с Виктором уже давно не использовали, с тех пор как установили электрический полотенцесушитель.

Спросите, что это я так зациклилась на этом полотенце? Да потому что никто, кроме меня, не мог пользоваться ванной комнатой. Я проживала в доме одна! И даже не проживала, а доживала последние денечки перед тем, как покинуть этот домашний рай и отправиться в сельский, полный страданий, грязи и вони ад.

Но тогда кто же помылся здесь и воспользовался полотенцем? Получается, тоже я?

Я, дрожа от отвращения, голая добежала до белового шкафа, схватила чистое сухое полотенце и обмоталась им, взяла еще одно и закрутила тюрбаном на мокрых волосах. Потом вернулась в ванную комнату и швырнула использованное кем-то (ну не может быть, чтобы это была я!) мокрое полотенце в стиральную машину.

Что со мной происходит? Мама... Мамочка, забери меня отсюда!»

Глава 5

20.01.2023 г. Женя

Ревность — какое же это мерзкое чувство! Мерзкое и стыдное. Главное, чтобы Борис этого не понял. Вот этого Женя допустить не могла.

— Просто неприятно все это, понимаешь? — объясняла она Тоне, надевая вечернее платье кроваво-красного цвета поверх черного кружевного белья.

— А как ты объяснишь Борису, который может вернуться домой в любой момент, куда собираешься, зачем надела это платье? — занервничала Антонина.

— Отвечу ему примерно так же, как и он, — скажу, что еду по делам. И все! Разве он объясняет мне, куда едет, на какую встречу и чем конкретно занимается в Москве? Он, видите ли, адвокат, а я кто? Никто и сбоку бантик. Нет-нет, он должен понять, что меня не привязать ребенком к себе, к дому, к плите.

— Ну, к плите он тебя уж точно привязать не может, знает твоё отношение к готовке. Ты, кстати говоря, так и не научилась варить гречневую кашу?

— Тоня, да при чем здесь гречневая каша? Все это мелочи, понимаешь? Борис относится ко мне как к какому-то тупому существу, которое постоянно сидит дома и нянчится с ребенком! Как будто бы у меня не может быть помимо семьи еще какого-нибудь полезного занятия или развлечения? Вот скажи мне, когда мы с Борей последний раз были в театре? Кино? На концерте? Или, может, он брал меня с со-

бой на встречу, в гости к друзьям? Нет! Он сам иногда приезжает с водителем, потому что где-то выпил. Вроде бы как с деловой встречи... А я... Я схожу с ума от ревности, представляя его себе в обществе красивых женщин!

— Женя, да что это ты так раздухарилась?

— Пусть он теперь приревнует меня к кому-нибудь. Пусть изводит себя разными там домыслами, фантазиями. А я... Я в это время буду просто сидеть тупо где-нибудь в ресторане с тобой и пить вино. Вернее... нет, безалкогольный коктейль. Я же еще кормлю.

— Кормишь?

— Ох, забыла... Нет, уже не кормлю. Мишка предпочитает мне смеси. Ты же видела, какие у него щеки — как у хомячка!

Сцена происходила в той самой комнате, в которой Женя проживала, находясь еще в статусе домработницы в доме братьев Бронниковых. Не в спальне, не в гардеробной, а в том самом месте, которое считалось сугубо личным ее пространством, где Женя хранила некоторые свои вещи, книги, все то, что составляло ее жизнь до того, как она стала женой Бориса. Иногда она позволяла кому-то из гостей ночевать там и даже прятала важных свидетелей, которых не должна была найти полиция. Почему-то именно здесь она чувствовала себя по-настоящему свободной и время от времени позволяла себе мечтать о другой жизни. О жизни без Бориса. И это притом что она его любила. Любила и вместе с тем

страдала от его чрезмерной опеки, которую воспринимала как отеческую. Ее стремление быть на равных просто коржило ее представление о браке, время от времени разрушало гармонию в супружеских отношениях.

— Женя, прошу тебя, остановись! Не надо тебе никуда ехать, тем более в таком платье, да еще и в ресторан! Будет скандал! Ты ранишь Бориса в самое сердце! Прошу тебя, успокойся, подумай как следует, чего ты добиваешься?

Тоня чуть не плакала, отлично понимая, какую ошибку может совершить подруга.

— Вот мне интересно, — раздувая ноздри и с упорством пытаюсь застегнуть замок брильянтовой сережки в ухе, говорила Женя, — что ты мне скажешь, когда сама собственными глазами увидишь, как Борис воркует в ресторане, заметь, в ресторане(!) с привлекательной женщиной?

— Да ты же мне уже показала!

— Это было видео и фотографии, которые мне прислал Ребров. А если ты увидишь это, повторяю, сама, собственными глазами? Вживую?

— Что ты хочешь от меня услышать? Что я подойду и начну выяснять, кто эта особа и все такое?

— Тонечка, дорогая, да ты такая спокойная только потому, что речь идет не о твоём муже, а о моем. Ты не можешь прочувствовать все то, что чувствую сейчас я!

— Но что, если это была все-таки его клиентка?

— Да мало ли адвокатов, которые спят со своими так называемыми клиентками, являющимися на

самом деле любовницами? Что стоит мужчине-адвокату сказать жене, что все те женщины, с которыми он встречается, его клиентки? Да ничего! Отличная отмазка! Это такая же отмазка, как и у нашего Петра, когда он едет куда-то там, чтобы собрать материал для своего романа. Да это же целый мир, любая страна, город, улица дом — он имеет право бывать везде, куда только позовет его вдохновение. И с любым человеком может встретиться, чтобы якобы побеседовать о чем-то, что поможет ему собрать материал. Поэтому я заранее не завидую его жене (если он, конечно, женится), которая так же, как и я, будет мучиться ревностью.

— Скажи, ты доверяешь Борису?

— Конечно, доверяю!

— Тогда в чем же дело?

— Все, готово, уф! Какой трудный замок! — Женя справилась наконец с сережкой, поправила прическу и критическим взглядом осмотрела себя, стройную, в облегающем платье, с ног до головы. Втянула живот, поправила платье в области декольте. — В чем дело, спрашиваешь? Да в том, что я не доверяю этим женщинам, которые выются вокруг него. Хотела тебе рассказать одну историю...

Но ничего рассказать она не успела. В дверь постучали.

— Соня, заходи! — крикнула Женя, уверенная в том, что это няня.

— Это не Соня. — В дверях появилось сияющее лицо Бориса. Увидев жену в вечернем наряде, он восхищенно и в то же время как-то по-мальчишески

присвистнул. — Ого! Ничего себе! И куда это мы собрались? Надеюсь, меня с собой возьмешь? Или вы на девичник собрались, а, Тоня?

— Борис Михайлович, ну что вы такое говорите? Просто Женя показывала мне, какое купила платье. Я говорю ей, что оно шикарное и очень ей идет, а она считает его слишком открытым и обтягивающим.

Тоня, произнося это, и сама стала красной, как платье. Но была счастлива, что Женя не успела никуда уехать. Что все еще можно поправить и избежать скандала.

— Ты такая сегодня... — Борис не мог подобрать нужные слова, чтобы выразить ей свое восхищение: — ...что тебя нужно непременно куда-то вывезти! Если хочешь, поедем прямо сейчас к Селиверстову, в «Прагу», они там сейчас обмывают его новую должность. Или на юбилей жены моего старинного приятеля, Снегирева, депутата... Я подарок отправил, но сам отказался, придумал что-то, чтобы они не обиделись... В театр уже поздно, конечно. Но можно в один хороший клуб, там играет джаз, а саксофонист — мой хороший товарищ.

— Нет, я никуда не хочу. Устала, — сказала нервно Женя, теперь уже расстегивая и снимая серьги. — Все-таки у меня ребенок, я весь день на ногах...

Тоня пыталась поймать ее взгляд, но так и не сумела: Женя постоянно отворачивалась от нее. Вот и пойми человека! То она страдает, что муж ее с собой никуда не берет, то отказывается от таких предложений!

— Ну и хорошо! Останемся дома! Если бы ты знала, как я соскучился по вам!

Тоня незаметно вышла из комнаты. Откуда вдруг у нее появилось ощущение хрупкости этого брака? Ведь еще недавно она считала его счастливым, удачным. Все же было хорошо.

В чем дело? Неужели Женя разлюбила его? Или на самом деле сгорает от ревности? Но так ведь нельзя! Муж — он не твое продолжение, это отдельный человек со своими чувствами и своим внутренним миром. И его нельзя лишать свободы, точно так же как и Женьку! И если он адвокат, то на самом деле ему приходится встречаться с самыми разными людьми. Он, наконец, деньги зарабатывает, и немалые. И все это делает для семьи!

Тоня заглянула на кухню, где застала Соню. Женщина мыла посуду.

— Тонечка? Чаю вот выпила на дорожку, сейчас посуду домою и поеду уже домой. Мишенька спит. Борис Михайлович вернулся. Так что теперь все в полном порядке.

— Софья Николаевна, и как же вы сейчас поедете домой? На такси или пешком?

— На такси. В теплое время года буду ходить пешком, я же здесь недалеко в поселке живу. Но сейчас такая погода противная, холод, сырость... Странная зима в этом году.

— Женя не предлагала вам ночевать здесь?

— Конечно, предлагала. Да я иногда и остаюсь. В сильные морозы она не отпускала меня домой.

А я одна живу, меня дома никто не ждет. Поэтому и оставалась.

— А что сегодня?

— У меня душа болит за Эмму.

— А... Это та женщина, у которой вы раньше работали, да?

— Да.

— Почему душа болит? — спросила Тоня и сразу же пожалела об этом.

Любопытство. Что же еще? Стыдно-то как! И ведь теперь Соня будет вынуждена ей отвечать. Из вежливости. Все-таки Тоня — близкая подруга хозяйки.

— Софья Николаевна, можете не отвечать!

— Да я и не знаю, что ответить. Просто болит душа и все. Я же привыкла к ним, все-таки пятнадцать лет проработала в этом доме. И вот теперь все разрушилось... Нет, вы не подумайте, я нисколько не жалею, что устроилась сюда, здесь мне и платят больше, да и детишек я люблю...

Тоня снова чуть было не завалила няню вопроса-ми, с трудом заставила себя промолчать.

— Муж бросил ее. Конечно, нехорошо вот так все рассказывать про своих бывших хозяев, но это ведь уже и не тайна. Виктор Владимирович бросил Эммочку. Вот просто бросил и все. Как ненужную вещь. Подозреваю, что готовит он ей какой-то страшный документ, чтобы она ни на что после развода не претендовала, но точно ничего не знаю. Кажется, он попросил ее освободить дом. Пред-

ставляете? Дом, в котором они столько лет прожили вместе!

— Ох... Да... Такое сейчас сплошь и рядом! — вырвалось у Тони. — Богатый муж, у которого крыша поехала от денег и власти, избавляется от своей старой жены как от балласта и начинает, как ему кажется, новую жизнь с молодой барышней.

— И не говорите!

— А дети? Наверное, уже большие?

— Да в том-то и дело, что детей нет. Уж Эмма Юрьевна так страдала, так страдала... Но это уже их дело.

Она вдруг замолчала, решив, что и без того сказала лишнее.

— Ладно, пойду собираться.

— Я могу вас отвезти, хотите? Мне тоже уже пора. Борис вернулся...

— Хорошо, что он вернулся сегодня пораньше.

— Я тоже так считаю, — согласилась с ней Тоня, и они обе подумали об одном и том же.

Глава 6

19.01.2023 г. Клара

Сериал закончился хеппи-эндом, конечно же. Соперницу, которая убила жену своего любовника, за которого собралась замуж, вычислили, поймали прямо в аэропорту, откуда она собиралась свинтить за границу, вот такие дела.

А ведь у них с Виктором почти такая же история. И если бы устранить Эмму, то вся жизнь Клары была бы предрешена. Она вышла бы спокойно замуж

за своего любимого человека, от которого ждет ребенка, и жила бы себе безбедно.

Клара никогда не могла понять, почему убийцу всегда находят. Это же надо быть такой тупой, чтобы не суметь все хорошенько рассчитать, продумать. И не оставлять глупых улик.

Действовать надо таким образом, чтобы помнить обо всех камерах, установленных повсюду, и все делать в перчатках. Все же так просто! Или же убивать где-нибудь подальше от города, где нет этих противных и опасных камер, или же прямо дома, но так, чтобы не оставлять следов.

Клара от безделья и под впечатлением просмотренных сериалов так увлекалась иногда, что мысленно позволяла себе не один раз совершать преступления. Но после этого ее иногда мучили кошмары, снились такие тяжелые, одуряющие сны, что она просыпалась в холодном поту, мокрая и благодарила бога, что все это случилось во сне.

И странное дело — она же никого пока еще не убила, тогда откуда же эти новые для нее чувства, сильнейшие переживания, чувство вины и ледящего страха, что тебя поймают? И эти жуткие декорации сна, кошмара. Где-то гниет труп, и сознание этого останется с ней на всю жизнь.

Может, эту Эмму просто свести с ума?..

С недавних пор в ней поселилось еще одно чувство, которое не давало ей покоя. Что, если до того, как она выйдет за него замуж, с ним что-то случится? Все-таки он старше ее, много работает, нервничает, устает. Ведь у него в подчинении тысячи

людей! И за всех он в ответе. Вдруг инфаркт или тромб?

И что она тогда будет делать? Квартира, в которой они сейчас живут, ей не принадлежит. Виктор сколько раз обещал ей оформить ее на Клару, но пока что она так и записана на его жену. Он вообще многое оформил на Эмму, и теперь вот собирается все отобрать, заставить ее подписать какие-то документы.

Клара мало в этом разбиралась, особенно в деталях развода и дележа имущества. Но Виктор умный, он все сделает правильно. Вот только тянется вся эта история уже несколько месяцев. А как она радовалась, когда забеременела! Ведь именно это обстоятельство и подтолкнуло Виктора к действиям. Именно тогда и начались эти сладкие его обещания и мечты, связанные с их свадьбой.

Зная характер своего любовника, в сущности почти уже мужа, она не хотела рисковать и напоминать ему так часто о том, чтобы он действовал быстрее. Это в сериалах любовницы были вздорными, капризными бабенками, которые заставляли мужчину разводиться, шантажировали своей беременностью.

Но Клара не такая. Она была так не уверена в себе, так боялась лишний раз разозлить Виктора, что вела себя тихо, старалась во всем угодить ему, быть веселой, словом, никогда не скандалила и не раздражала его своими требованиями и упреками.

Слушая блогерш, дающих советы женщинам, как поскорее заарканить мужчину, она поняла главное: мужчины не любят, когда им выносят мозг, и це-